

Сведения о выполненных работах в 2019 году
по проекту **«Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры
сибирских региональных столиц»**,
поддержанному Российским научным фондом
Соглашение № 18-18-00293

Руководитель д-р ист. наук Нам Ираида Владимировна

Центральной задачей второго года исследования было выявление и типизация максимального числа элементов городской инфраструктуры, маркируемых как «мигрантские» или «этнические», определение их функций и особенностей:

Выявлены особенности функционирования и значения рынков в Томске и Иркутске в качестве «мигрантской» инфраструктуры. В Иркутске в качестве объекта исследования был выбран рынок «Шанхай» – крупнейшая торговая площадь Иркутска, включающая территорию нескольких рынков и торговых центров, которые представляют собой закрытые рынки (рынки «под крышей»). В Томске территория каждого из анализируемых вернакулярных районов (Центр, Черемошники, Иркутчи) включает как минимум один рынок. Рынки Томска и Иркутска отличаются, прежде всего, направленностью миграционных процессов, которые привели к появлению мигрантов на рынке. В Иркутске это связано с тем, что трансграничная миграция стала источником формирования этнически маркированных рынков, в отличие от Томска, где они просто встраивались в уже существующую инфраструктуру. Иркутские рынки в отличие от томских обладают массивом элементов «мигрантской» инфраструктуры как внутри торгового пространства, так и за его пределами: кафе «восточной» или «узбекской» кухни, посреднические фирмы, авиакассы, сервисы по ремонту мобильной техники, парикмахерские эконом-класса с возможностью стрижки бороды, ателье, офисы юридических фирм. Значительная концентрация «мигрантской» инфраструктуры в Иркутске вокруг «Большого рынка» («Шанхай», «Шанхайка») обусловлена тем, что для мигрантов этот рынок играет ключевую роль – это место их работы и досуга, а появление мигранто-ориентированной инфраструктуры эту роль усиливает. Иркутская ситуация существенно отличается от того, что было выявлено в Томске, где подобные «мигрантские» сервисы, как правило, располагаются близ государственных миграционных структур. Таким образом, в Иркутске мигранто-ориентированная инфраструктура выстраивается вокруг людей, а в Томске – преимущественно вокруг государственных организаций, оказывающих миграционные услуги.

При этом не было выявлено наличия закономерностей в использовании городской инфраструктуры в зависимости от принадлежности к этнической группе либо к стране исхода. Авиакассы, созданные кыргызами в Иркутске, продают билеты, как своим соотечественникам, так и другим представителям Средней Азии, а «таджикская» юридическая фирма оказывает услуги абсолютно всем клиентам. Иноэтничность мигрантов, работающих на рынках Томска не манифестируется и не

играет существенной роли в их восприятии горожанами, в отличие от ситуации в Иркутске, где инаковость на рынках уже стала брендом, за которой закрепились определенные стереотипы и практики (низкая цена и качество товара, возможность торговаться и т.д.), и которая активно эксплуатируется в различных контекстах преобразования городской среды, подразумевающих ликвидацию рынков, реализацию права на город и т.д.

Изучение механизмов, которые используют мигранты для встраивания в работу рынков Томска и Иркутска, позволило выявить, что основной стратегией является использование социальных сетей – наличие родственников, знакомых или друзей, уже работающих на рынках (независимо от миграционного бэкграунда, срока пребывания или проживания в городе или страны исхода). Распространенное явление для тех, кто торгует на рынках – семейный бизнес (это снимает издержки, связанные с наймом персонала и становится каналом для привлечения мигрантов, но в то же время становится одной из возможных причин смещения торговли на рынках в сферу неформальной экономики). Наиболее обыденной формой занятости мигрантов на рынках, как Томска, так и Иркутска является наемный труд (в качестве продавцов, грузчиков, уборщиков и т.д.) и самозанятость. Последняя форма распространена среди мигрантов, получивших гражданство и имеющих опыт ведения бизнеса в этой сфере. В некоторых случаях торговый бизнес переходит «по наследству». В случае Томска торговля на рынках для мигрантов зачастую является убыточной или приносит гораздо меньше прибыли, что приводит к закрытию торговых точек, но не отказ от самой деятельности. Многие продолжают заниматься торговлей в силу привычки и семейной преемственности бизнеса. Для Иркутска характерны те же процессы. Торговлю на рынках следует рассматривать как с точки зрения занятости и возможности заработка для мигранта, так и как способ его интеграции в принимающую среду. Рынок выступает местом контакта между мигрантами и принимающим сообществом.

Выявлены особенности функционирования сетевой микрофинансовой компании «Мол-Булак», заключающиеся в том, что все виды предоставляемых займов ориентированы исключительно на трудовых мигрантов. Кроме того, работниками микрокредитной организации в основном являются выходцы из республик Центральной Азии, что связано с их языковой компетенцией. Ориентация на трудовых мигрантов обуславливает расположение офиса в Иркутске вблизи рынков, где работают выходцы из республик Центральной Азии и структурных подразделений УВМ при МВД России, где мигранты оформляют разрешительные документы. В Томске офис «Мол-Булак» расположен в здании «Миграционного центра» – филиала Паспортно-визового сервиса МВД России.

Определена и описана роль института мечети в качестве «мигрантской» инфраструктуры в Томске и Иркутске. Локальное мусульманское пространство определяется не только крупными местными религиозными фигурами (имамами мечетей), но и обычными верующими. Религиозный авторитет отдельного мигранта формируется в тесной связи с его профессиональным, финансовым, миграционным,

социальным авторитетом. Миграция зачастую становится триггером к конструированию индивидуального религиозного мусульманского авторитета. У себя на родине, где подавляющее большинство населения мусульмане, и где существуют свои многочисленные религиозные авторитеты, глубоко инкорпорированные в местные социальные и религиозные системы, эти люди могли бы и не стать локальными мусульманскими авторитетами. В российских миграционных условиях, в которых мусульмане чаще всего являются меньшинством, локальное исламское пространство менее стабильно и менее иерархично. Отдельный важный сюжет полевого исследования в Иркутске – это значение и роль таджикских мулл в формировании локальной религиозной среды. Таджики играют ключевую роль в формировании местного мусульманского пространства. Среди них есть немало хафизов, а также мулл, специализирующихся на изгнании джиннов и лечении через громкое чтение текстов Корана.

Выявлены и описаны роль и место некоммерческих национально-культурных организаций (НКО) – национально-культурных автономий и «просто» национально-культурных организаций в «мигрантской» инфраструктуре Томска и Иркутска. Власти усматривают в НКО удобный инструмент управления «диаспорами», понимаемыми как организованные этнические группы, к которым принадлежат по факту рождения или происхождения, и которые могут выступать в качестве самостоятельного субъекта общественных взаимодействий. Лидеры НКО рассматриваются как «начальники диаспор», облеченные правами контроля над своими «соотечественниками». Позиционируя себя как представителей диаспоры, руководители НКО берут на себя функции посредников между конструируемой ими «диаспорой», властями и «исторической родиной». НКО берут на себя и функции, направленные на оказание миграционных услуг, как в рамках общественной организации, так и создавая для этого параллельные коммерческие организации. Тем не менее, рассматривать НКО как часть или элемент собственно «мигрантской» инфраструктуры и как инструмент самоорганизации и адаптации мигрантов неправомерно, поскольку трудовые мигранты выступают в деятельности НКО не как полноправный субъект, а как объект покровительства со стороны глубоко интегрированной в местное общество этнической элиты.

Выявлено, что формирование в школах Иркутска классов с заметной концентрацией детей мигрантов, объясняется их поступлением в школу, как правило, в последнюю очередь, когда «лучшие» классы уже сформированы, а также тем, что родители «местных» стремятся забрать своих детей из таких классов. Но, несмотря на сосредоточение детей мигрантов в определенных классах, неверно говорить об их изоляции или проблемах с интеграцией в школьное пространство. Важно, что учителя, работающие в классах со значительным количеством детей мигрантов, стараются уделять больше внимания проблемам их адаптации. Выявлено также, что школы, в которых учится большее, чем в других учебных заведениях количество детей мигрантов, расположены рядом с «Большим рынком», где работают родители многих детей мигрантов, посещающих школы.

Описаны практики «шерине», традиционного кыргызского института, активно используемого кыргызами в исследуемых городах, как «черной кассы», так и как праздничного застолья.

Исследование языкового маркирования «мигрантской» городской инфраструктуры с использованием метода языкового ландшафта (linguistic Landscape) показало, что языковые маркеры пространства (надписей, вывесок, объявлений и иных текстов), выполненные на иных языках (узбекский, киргизский), носят единичный характер. Даже в локальностях концентрации мигрантов из постсоветских стран Центральной Азии (рынки, овощные базы) преобладают тексты на русском языке.

Анализ цифровых медиа выявил, что «мигрантские» площадки, выдаваемые по поисковым запросам, можно объединить в несколько групп: веб-форумы и доски объявлений, которыми пользуются преимущественно мигранты из общего региона исхода или говорящие на одном языке; «миграционные» каналы на youtube, транслирующие опыт того или иного этапа миграции, поиска работы, жилья, контакта с принимающим сообществом, легализации; сообщества в социальных сетях. Существует также группы, посвященные какой-либо конкретной, связанной с миграцией, услугой, например – бизнес-браками, или помощью в получении вида на жительство.

В ходе исследования был сформулирован ряд гипотез:

- сравнительный анализ жилищных траекторий мигрантов на территории двух сибирских городов, описание домохозяйств приезжих «изнутри» позволило выдвинуть гипотезу о мультилокальности жилища мигрантов, которое концептуализируется не как статичное место, а как текучее, включающее его создание, изменение, перемещение и разрушение;
- пространство контакта мигрантов и принимающего сообщества в рассматриваемых городах, как правило, не становится пространством оспаривания между мигрантами и принимающим сообществом. Ситуация оспаривания городского пространства конструируется в одностороннем порядке представителями принимающего сообщества, мигранты в этих процессах практически не участвуют;
- мигранты в Иркутске и Томске не формируют собственной, закрытой инфраструктуры и не создают собственных изолированных общественных пространств, в большинстве случаев используя общую с остальными горожанами инфраструктуру. Представление о закрытой мигрантской инфраструктуре формируется преимущественно средствами массовой информации.

Сформирована база интервью: 170.

Результаты исследований отражены в опубликованных и принятых к печати 19 статьях (в том числе 7 – в изданиях, входящих в базы данных Scopus и Web of Science), а также в 30 докладах на 13 международных и 2 российских научных конференциях и мероприятиях.